Соломин Виталий 30.05.03

«Хочу заниматься тем, для чего пришел в театр»

Читая дневники Виталия Соломина

Независимая – 2003 – 30 мая – с. 9 и.

Светлана Овчинникова

Исполнился год, как ушел от нас Виталий Соломин. В издательстве «Алгоритм» скоро выходит книга Светланы Овчинниковой и Майи Карапетян «Виталий Соломин. Три любви», глава из которой предлагается сегодня вниманию читателей «НГ». И многие, с кем приходилось говорить, делая эту книгу, повторяли одно и то же: «Он не умер, он просто уехал сниматься и задержался...» Так кажется и нам.

Никакого открытия я не делаю, сказав, что главный инструмент актера – его собственные нервы. И по ним все время бьют. Случайно и намеренно. Наотмашь и с оттяжкой.

Он казался – только казался – человеком закрытым, самодостаточным и довольным судьбой... Он таким способом охранял свою «бескожесть», свои оголенные нервы. Такая гипертония, как была у него, не возникает на пустом месте, у комфортно расположившихся в жизни людей. В «Аварии» Дюрренматта есть пророческие слова о том, что никто не умирает сам – всех к этому подталкивают окружающие...

В дневниках, не рассчитанных на посторонних, писавшихся, как сам Виталий говорил в пилоте так и не состоявшейся его авторской телепередачи, «без внутренней цензуры», он признается себе: «Судьба человека – это нрав его. Мне не хватает авантюризма, нахальства, риска».

И еще:

«Я хочу именно в Малом театре делать спектакль, я его суть, я его продолжение, это также и мой театр, и мой смысл жизни». Он любил Малый. Одновременно трезво – и безрассудно. В любом другом месте актер такого ранга не ждал бы достойной его роли по три–четыре года, режиссер такого дара – не поставил бы только пять спектаклей... Человек такой ранимости – а иным большой артист и не может быть – не написал бы с горечью: «Я, очевидно, прихожу в то время, когда мало лиц в театре, – часа в 3, в 4, и у меня всякий раз возникает ощущение, что меня выжимают из этого пространства, с которым я связан тридцатью с лишним лет работы. Мучительных и радостных. В основном мы побеждаем, и театр был полон зрителей: «Не все коту масленица», «Летние прогулки», «Горе от ума», «Заговор Фиеско в Генуе», «Живой труп», «Мой любимый клоун», «Ревизор», «Мамуре», «Дикарка», «Дядя Ваня», «Свадьба Кречинского».

Большая часть ролей была сыграна при руководстве М.И. Царева. Мы были в сложных отношениях, «Живой труп» я играл без его согласия, но играл. Была отвратительная статья в «Правде» – сына редактора книги Царева. Это все можно понять. Но спектакль шел.

После показа «Фиеско» он вошел и обнял меня, ничего не говоря, но долго мы стояли обнявшись, и он только похлопывал меня по спине. Я знаю, что до этого он был против моего назначения на роль Фиеско, все решила настойчивость Хейфеца.

Это можно понять, и тем более так важно было признание. За последние спектакли «Дикарка», «Дядя Ваня», «Кречинский» не только не поздравил (кто? об этом у Виталия ни слова. – **С.О.**), но даже не был на банкетах, которые я устраивал для всех работников театра.

Меня нет. Но я есть. И я хочу это заявить».

Как все сложно! И грустно.

Но эти слова: «Меня нет. Но я есть» – мог бы повторить вслед за ведущим своим актером сам Малый театр.

Министр культуры замечательно тусовался на юбилее очень и мною любимого мхатовца Станислава Любшина. Который, кстати, выученик школы Малого театра – Щепкинского училища. Но г-на Швыдкого не было на юбилеях ни Элины Быстрицкой, ни Татьяны Панковой, ни Василия Бочкарева, ни Виталия Соломина. Некогда? А на участие в многочисленных телепроектах находится время? Или «Малый театр есть. Но его нет»?

Малый, как и любой другой театр, можно любить или не любить, – но это привилегия зрителей и критиков, а не министра культуры. Императорский Малый – то национальное достояние, которое он, именно он обязан холить и лелеять.

> «Меня нет. Но я есть», – может повторить вслед за своим актером сам Малый театр

Виталий Соломин умел быть в театре свободным человеком. Фото Владимира Федорова

А публика... Она сделала свой выбор. На тех спектаклях, которые перечисляет в дневнике Виталий, а я могла бы этот список продолжить, зал всегда был полон.

Помню, на «Свадьбе Кречинского», где народ разве только на люстре не висел, оказался французский профессор, который ежеминутно оборачивался к залу, оттопыривал большие пальцы рук, потрясал ими и кричал «Браво!» – этим, впрочем, изрядно мешая актерам. И вдруг Соломин, не выходя из образа, прямо назойливому своей восторженностью зрителю крикнул: «Браво! Ура!»

Подобный актерский класс я наблюдала до того лишь однажды. Тоже в Малом. Когда царю Федору – Смоктуновскому с галерки крикнули: «Громче!» И он послал текст с оглушающей мощью прямо на третий ярус, словно спрашивая: «Достаточно?» Причем тоже не выходя ни на йоту из образа. Зал взорвался аплодисментами.

В истории Малого было множество увлекательнейших сюжетов, связанных с великими его мастерами. Я их расскажу. Но эта глава книги о другом – о боли. Которая передалась авторам со страниц дневника...

Виталий много страдал, очень обостренно воспринимая различные сюжеты своей судьбы. Бывало даже так. Казалось бы – мелочь... Но вспомним об актерских нервах...

Из дневника Соломина:

«29 вечером ждал звонка из группы о времени съемки «Остановки по требованию», учил слова. И вдруг в половине одиннадцатого ко мне закралась мысль: «А вдруг я оказался стар, при просмотре это выяснилось и они не знают, как мне сказать о том, что я снят с роли». Холодок побежал внутрь.

Меня раз сняли на «Городском романсе», где мы встретились с Машей. Неделю молчали, а потом пришло письмо от Тодоровского, что он видит другую пару.

Ну что же, хорошо, – сказал я себе тогда и начал играть каждый день в теннис в спортзале у стены. Так продержал мяч до утверждения в «Даурии».

Сейчас, наверное, позвонят, может и режиссер, он достаточно интеллигентен, или помощник режиссера скажет сформулированные несколько фраз, и внутри холонет, и я отключу грудной регистр, просто скажу: «Понятно. Хорошо». И как мне потом сказать Маше? Нехорошо стало... И текст я отложил, что я, как дурак, буду учить. Да и расхотелось напрягаться.

Раздался звонок. Не тот. Я дернулся.

Потом другой. Я уже спокойно подошел. «Репетиция завтра в 9.45 на Северном речном вокзале». – «Хорошо». Я еще некоторое время сидел и додумывал придуманный исход, и свою реакцию, и причину испуга».

Мелочи, мелочи, мелочи... А из них состоит жизнь, строится судьба. Он, так ловко и умно решавший все проблемы других людей, а обращались к нему часто, знали, что не откажет, – перед собственными иногда брезгливо пасовал... Если это, конечно, не касалось творчества.

Из дневника Соломина:

«Предложил «Иванова». Ответа не последовало. Больше ждать не хочу. У меня нет времени. Хочу заниматься тем, для чего пришел в театр. Это у меня не исчезло. Я свободный человек, хотел бы этого или нет. Если я делал попытку ссучиться – я заболевал. Сильная головная боль правого полушария. Если я не решаю делать то, что нужно, я перестаю спать. Я когда засыпаю от корвалола и снотворных, то просыпаюсь рано и с той же мыслью, которая мучила меня ночью.

И ничего мне не остается, как решаться и действовать». ■